

ного произведений идет гораздо глубже. Красноречие, стиль литературной повести высоко искусны, но безлики, подчинены шаблонно примененной манере. Анализируя детали прославленной новгородской иконы, можно также подыскать ко многим из них аналогии в других памятниках монументальной и станковой живописи и книжных миниатюрах: изображению «города», изображению конных воинских групп, разящему врагов ангелу и др. Это все обычно для средневековой живописи. Но за всем этим художнику удалось создать выразительное, подлинно эпическое произведение. Заимствованные и оригинальные элементы одинаково подчинены им глубоко осознанному замыслу. Геральдическая стройность верхних сцен, компактно слитные массы конниц, ошестившиеся копытами в среднем и нижнем рядах, монументальная городская стена, крупномасштабно протянутая слева сразу через два нижних ряда композиции и создающая тем самым впечатление неприступной твердыни — все это находки высокого художественного значения. Помимо прочего, сама «классичность» впервые созданной на новый сюжет иконы должна была содействовать в дальнейшем устойчивости точно найденной ее композиции.⁶

И все же, несмотря на все различия, живописное и литературное произведения на сюжет «Чуда» были между собою крепко связаны. Икона-картина появилась после литературного сказания, вслед за ним, и, по-видимому, раньше его не могла появиться. Предание о событии 1170 г. не умирало в памяти новгородцев в течение трех с лишним столетий, обрастало легендами, в конце XIV—XV в. оно стучало в сердца. Но картин на его тему не было. Только появление литературного произведения на тот же сюжет как бы открыло для них дорогу.

Между литературным сказанием и иконой-картиной нет прямой зависимости. Икона не явилась иллюстрацией к повести Пахомия и не следовала ее содержанию. В повести она лишь как бы обрела себе оправдание. Разработка же сюжета там и здесь шла различно — и по своим законам, и, как всегда, в зависимости от индивидуальных свойств автора.

Другим сюжетом, получившим в близкое время в Новгороде параллельную литературную и живописную обработку, была легенда «Видение Хутынского пономаря Тарасия».

Сказание, или повесть, о видении Тарасия в дошедших до нас списках обычно является частью пространного и пышного «Жития Варлаама Хутынского», написанного тем же знаменитым Пахомием, что и «Похвала Знамению». Первоначально, однако, оно ее не содержало. Как литературное произведение повесть была одним из позднейших добавлений к пахომиеву житию.⁷

⁶ Созданная в XV в. композиция «Битвы» жила в новгородском искусстве в продолжение трех столетий. Из поздних ее реплик нам известны: 1) икона XVII в. Новгородского музея, происходящая из Успенской церкви г. Новгорода (см.: Древности Российского государства. М., 1852, Отделение 1, рис. 5; Нива, 1881, № 3; П. Гусев. Две исторические иконы Новгородского древлехранилища, рис. на отд. табл.). Икона после Великой Отечественной войны не сохранилась; 2) икона XVII в., б. собр. В. М. Васнецова, экспонировавшаяся на Выставке древнерусской иконописи и художественной старины во время съезда художников в Петербурге в 1911 г. (см.: Труды Всероссийского съезда художников в Петрограде, декабрь 1911—январь 1912, т. III, Ггр., 1911, табл. XV; каталог выставки, стр. 170). Судьба иконы неизвестна; 3) икона XVIII в., принадлежавшая Музею б. Киевской духовной академии (см.: Н. П. Лихачев. Материалы для истории русского иконописания. Атлас, ч. II. СПб., 1906, табл. CCLXIV, № 489); 4) икона XVIII в. частного собрания Нг. Е. Krane в Стокгольме (Н. Kjellin. Ryska ikoner i svensk och norsk ago. Stockholm, 1956, s. 232, tab. 137).

⁷ В. О. Ключевский, стр. 58, 140.